

New monuments of the early nomads of Ilel local micro-district

Bisembayev Arman Auganovich

Candidate of History, representative of A.H. Margulan Archeology Institute of MES RK in West Kazakhstan. Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: abissembayev@mail.ru

Mamedov Aslan Malikovich

Master degree in Archeology and Ethnography, director of KGU "Aktyubinsk State Regional Inspectorate for Protection and Use of Historical and Cultural Heritage". E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Duisengali Meiram Nurlanovich

Director of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: daisengalimeiram@mail.ru

Bayirov Nursultan Mailbayevich

Master degree student of OSPU (Orenburg, Russian Federation), junior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: nmbairov91@mail.ru

Amelin Victor Alexeevich

Master degree student of OSPU (Orenburg, Russian Federation), junior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: vityara2706@mail.ru

Bidagulov Nurbol Torgaiuly

Senior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: archaeology-kz@mail.ru

Urazova Assel Beibutovna

Master of Archeology and Ethnography, senior researcher of Aktyubinsk Regional Local History Museum. The Republic of Kazakhstan, 030000, Aktobe, Altynsarin St. 14. E-mail: urazova-asel@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the last researches of monuments of the early nomads of the Ilel local microdistrict of the Priaralsk-Mugalzharsky region which is a considerable part of the Western Kazakhstan. The barrows were studied and undergone to the anthropogenic influence and were under the threat of destruction. The conducted field works were carried out with using of new methods of materials fixing. The attempt of data collection for creation of three-dimensional model of the studied monument. The new materials of the average Ilel has taken a special value during correlation with simultaneous monuments of adjacent territories. Natural and geographical aspects of the Western Kazakhstan are the defining factors in distribution of the monuments of the early Iron Age which are the most numerous in the region. The artifacts received at the research of the barrow Kurash I – the stone altar, an iron holder with gold applique, an original large censer, emphasize belonging to the given territory in the middle of the I millennium of BC to the predominating group of nomads which has chosen the most comfortable econiche for accommodation. New materials allow to fill certain gaps in the history of the population of the early Iron Age in the Western Kazakhstan.

Key words: Sarmatians; Western Kazakhstan; Ilel local microdistrict; Priaralsk-Mugalzharsky region; Civilians; Kurasha; Scythian animal style.

Елек жергілікті шағын ықшам ауданындағы ерте көшпенділердің жаңа ескерткіштері

Бисембаев Арман Ауғанұлы

Т.ғ.к., Батыс Қазақстандағы Ә.Х. Марғұлан атындағы археология Институтының өкілі. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: abissembayev@mail.ru

Мамедов Аслан Мәлікұлы

археология және этнография магистрі, «Тарихи-мәдени мұраны қорғау және пайдалану жөніндегі Ақтөбе мемлекеттік аймақтық инспекциясы» КММ директоры. E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Дуйсенғали Мейрам Нурланұлы

«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ директоры. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14.. E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Баиров Нұрсұлтан Майлыбайұлы

ОМПУ магистранты (Орынбор қ, РФ), «Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ кіші ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: nmbairov91@mail.ru

Амелин Виктор Алексеевич

ОМПУ магистранты (Орынбор қ, РФ), «Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ кіші ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: vityara2706@mail.ru

Бидағұлов НұболТорғайұлы

«Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ аға ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: archaeology-kz@mail.ru

Оразова Әсел Бейбітқызы

археология және этнография магистрі, «Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану мұражайы» МҚКМ аға ғылыми қызметкері. Қазақстан Республикасы, 030000, Ақтөбе қ, Алтынсарин к, 14. E-mail: urazova-asel@mail.ru

Аңдатпа. Мақала Батыс Қазақстан аймағының маңызды бөлігі болып табылатын Арал-Мұғалжар ауданы Елек шағын ықшам ауданының ерте көшпенділерінің ескерткіштеріне қатысты соңғы зерттеуге арналған. Зерттеу маңызды антропогендік әсерге ұшыраған және жойылу қаупі төнген жерлеу қорғандарына арналған. Далалық жұмыстар жаңа материалдарды бекіту әдісімен жүргізілді. Зерттелетін ескерткіштің үш өлшемді үлгісін жасау үшін деректер жинау әрекеті жасалды. Елек өзенінің орта ағысының жаңа материалдары, бір мезгілде іргелес аумақтардың ескерткіштерімен байланысқан кезде ерекше мәнге ие болады. Батыс Қазақстанның табиғи және географиялық аспектілері аймақтағы ең көп саналатын «Ерте темір дәуірінің» ескерткіштерін анықтап бөлудің маңызды факторы болып табылады. Кураш I қорғанын зерттеу кезінде алынған артефакттар – алтын жапырақшамен қапталған темір тысты тастан жасалған құрбан шалғыш, түпнұсқалық үлкен иісмайшы сияқты заттар б.з.д. I мыңжылдық ортасында осы аймақтағы көшпенділердің жетекші тобының өмір сүру үшін қолайлы өмірді таңдағандығын нақтылайды. Жаңа материалдар Батыс Қазақстанның ерте темір дәуіріндегі халық тарихындағы белгілі бір олқы тұстарды толтыруға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: сарматтар; Батыс Қазақстан; Елек жергілікті шағын ауданы; Арал маңы – Мұғалжар ауданы; Шпактар; Кураша; сақтардың аң стилі.

Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона

Бисембаев Арман Ауганович

к.и.н., представитель Института археологии имени А.Х. Маргулана КН МОН РК в Западном Казахстане. Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: abissembaev@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович

магистр археологии и этнографии, директор КГУ «Актюбинская государственная областная инспекция по охране и использованию историко-культурного наследия». E-mail: mamedovaslan@mail.ru

Дуйсенгали Мейрам Нурланович

директор ГKKП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Баиров Нурсултан Майлибаевич

магистрант ОГПУ (г.Оренбург, РФ), младший научный сотрудник ГKKП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: nmbairov91@mail.ru

Амелин Виктор Алексеевич

магистрант ОГПУ (г.Оренбург, РФ), младший научный сотрудник ГKKП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: vityara2706@mail.ru

Бидагулов Нубол Торгайұлы

старший научный сотрудник ГKKП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: archaeology-kz@mail.ru

Уразова Асель Бейбутовна

магистр археологии и этнографии, старший научный сотрудник ГKKП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей». Республика Казахстан, 030000, г.Актобе, ул.Алтынсарина 14. E-mail: urazova-asel@mail.ru

Аннотация Статья посвящена последним исследованиям памятников ранних кочевников Илекского локального микрорайона Приаральско-Мугалжарского региона, являющегося значительной частью Западного Казахстана. Изучению были подвергнуты курганы, подвергшиеся значительному антропогенному воздействию и находившиеся под угрозой разрушения. Проведенные полевые работы осуществлялись с применением новых методов фиксации материалов. Была сделана попытка сбора данных для построения трехмерной модели исследованного памятника. Особое значение новые материалы среднего течения Илека приобретают при корреляции с одновременными памятниками сопредельных территорий. Природно-географические аспекты Западного Казахстана выступают определяющими факторами в распределении памятников раннего железного века, являющихся самыми многочисленными в регионе. Артефакты, полученные при исследовании кургана Кураша I – каменный жертвенник, железная обойма с золотой аппликацией, оригинальная крупная курительница, подчеркивают принадлежность данной территории в середине I тыс. до н.э. главенствующей группе кочевников, избравшей для проживания максимально комфортную эконишу. Новые материалы позволяют заполнить определенные пробелы в истории населения раннего железного века Западного Казахстана.

Ключевые слова: Сарматы; Западный Казахстан; Илекский локальный микрорайон; Приаральско-Мугалжарский регион; Шпаки; Кураша; скифский звериный стиль.

ӨЖ/ УДК 902/904

Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона

*Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н.,
Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б.*

Запад Республики Казахстан, в административном аспекте состоящий из Атырауской, Западно-Казахстанской, Мангистауской и Актюбинской областей, представляет собой обширный регион, выражен в природно-географическом содержании как срединная часть Евразии и степная полоса этого материка. Важными особенностями данного региона являются факторы природно-

географического характера, представляющие собой исторический фон, обусловивший, в конечном итоге, расположение, количественный состав и специфику памятников кочевого населения в раннем железном веке. Важность и необходимость анализа региональных особенностей, возникающих из территориального фактора (значительных размеров и, соответственно, различных природно-географических условий Казахстана) для раннего железного века приобретает особую актуальность (Бисембаев 1998, С.217).

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугоджарам, реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря (озера). Природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба – очевидны, ландшафты резко приобретает азиатский характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). Западно-Казахстанский регион имеет наибольшее протяжение с севера на юг около 900 км, с запада на восток около 1200 км и занимает площадь в 729,2 тыс. км.² На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке – Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке – Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) морем, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России. В этой связи, при исследовании памятников раннего железного века региона (при таком значительном территориальном выражении), вполне обоснованно и применимо деление на локальные микрорайоны.

Территория Западного Казахстана с крупной магистральной рекой – Уралом (несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное) в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Целенаправленные исследования, проводившиеся с начала текущего столетия, подтверждают это тезис выявленными памятниками ранних кочевников по областям региона (Археологическая карта Западно-Казахстанской 2009; Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев 2007; Свод памятников истории 2010). О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона ранее неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С.Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» (Гуцалов 2004, С.4).

Восточная часть региона, представленная территорией Актюбинской области, расположена между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, плато Устюрт на юге и долиной р.Урал на севере. На рассматриваемой территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны – лесостепная, степная, полупустынная. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище, со сосредоточением колков Уркач (Оркаш), уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори (Чибилев 1987, С.86-103).

В географическом аспекте для данной территории применимо понятие «Приаральско-Мугалжарский регион», в которое включается территория об-

ласти севернее Аральского моря. Территория протяженна в широтном и меридиональном направлении практически на 500 км. Присутствует разветвленная гидросеть, горная система Мугалжар, реликтовые пески Оркаш, Баркын, песчаные массивы Большие и Малые Барсуки, Нуринские разливы. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается уже обнаруженными (как исследованными, так и малоизученными, информация о которых поступает со случайными находками и сборами).

Для этой части Западного Казахстана отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к гидросети – основному аспекту жизнеобеспечения в эпохи раннего железного века и средневековья. Речные направления так же являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере оконтуривая границы этнических и политических объединений. Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинская область) – Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал. Бассейн Илека с притоками является первым микрорайоном.

Второй микрорайон – Уило-Кобдинский, западный, охватывает два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский и северную часть Байганинского района. Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил по большей части – в широтном, но в целом, они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии.

Третий микрорайон, Темирско-Эмбенский, находится в центральной части Актюбинской области, в ее южной половине. Трудности для его исследования создает присутствие контрактных территорий нефтедобывающих компаний. Территория богата памятниками различных эпох, охватывает площади Мугалжарского, Темирского и северную часть Шалкарского районов.

Микрорайон пересекают горы Мугалжары, тянущиеся с севера на юг. Это продолжение Уральских гор в современной географической традиции обозначается как условная граница Европы и Азии. Хотя, сами по себе горы не являются труднопреодолимым препятствием. Как на памятниках, так и на природных аспектах прослеживаются определенные различия в восточной и западной частях микрорайона. Указанный момент может обусловить выделение в группе исследуемых памятников локальных вариантов.

Четвертый микрорайон обозначен как Орь-Иргизский и охватывает юго-восточную часть Актюбинской области, проходя по территории современных Иргизского, Хромтауского и Айтекебийского районов. Район характеризуется (как и Уило-Кобдинский) переходом от степи к полупустыне, но представляет собой Восточные Мугалжары с выходом на Нуринские разливы. Рельеф восточной половины Западного Казахстана (Приаральско-Мугалжарского региона) представлен чередованием плато, возвышенностей, речных долин и относительно пониженных равнинных пространств, тем самым, представляет собой холмистую (возвышенно-волнистую) равнину. Наиболее приподняты северная и центральная части (300-600 м), понижены западная и юго-восточная (100-200) части области. Хотя средняя высота территории области – 250-300 м над уровнем моря, рельеф ее разнообразен и отличается следующими показателями расчлененности: горизонтальной (до 2-5 км/км²) и вертикальной (до 20-50 м). Максимальной абсолютной высоты (657м) достигает гора Большой Боктыбай в Мугоджарах, минимальной – впадина Карагие (-132м) (Физическая география Республики Казахстан 1998).

Аридность и континентальность климата, нарастающие с севера на юг и с запада на восток, являются важными характеристиками, определяющими уровень роста растительности, связанной с кормовой базой численностью разводимого скота, и, соответственно, с численностью проживавшего населения. При развитии кочевого скотоводства в его локальных и региональных вариантах, важное значение приобретает гидросеть, ее густота, насыщенность и обеспечение потребностей кочевого хозяйства по полному циклу. Поверхностные воды региона состоят из водотоков (постоянных и временных), бессточных озер, искусственных водоемов. Реки принадлежат к внутренним замкнутым бассейнам Каспийского и Аральского морей. Характер гидрографической сети, режим и сток рек региона существенно зависят от широтной зональности климата и ландшафтов. В связи с дефицитом влаги, особенно, в пустынных районах, поверхностный сток мал, речная сеть разрежена, а реки маловодны. С ландшафтно-климатической зональностью связана неравномерность густоты речной сети. В степной зоне она равна 0,1-0,5 км/км², в пустыне – снижается до 2 м/км² и даже до 0 (Физическая география Республики Казахстан 1998, С.79). Важным фактором, напрямую связанным с гидрографическими условиями и оказывающим самое непосредственное влияние на динамику скотоводческого хозяйства, демографические аспекты (насыщенность или дисперсность в локализации кочевых группировок), является объем биомассы растительного покрова. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Приаральско-Мугалжарский регион содержит элементы трех зон. На севере проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы (Акишев 1972, С.31) – основы экономики кочевых обществ. Собственно, у кочевых образований на левом берегу Урала в VI-IV вв. до н.э. сложился крупный племенной союз, консолидирующая группа (элита) которого, избрала местом своего обитания среднее течение магистральной артерии, по обоим берегам наиболее крупного левобережного притока. Иллюстрацией этому служат яркие комплексы Кырык Оба, Лебедевка, Покровка и т.д. Особенность данной ситуации была подмечена К.Ф. Смирновым, вынесшим географическую локализацию в название монографии (Смирнов 1975).

Приспособление человека в сложных условиях привело к созданию максимально эффективной экономики, сообразно окружающей среде, и в конечном итоге, выразилось в увеличении численности населения в середине I тыс. до н.э. Памятники ранних кочевников по территории левобережья Урала численно доминируют над памятниками других эпох. Занимая возвышенные территории – гребни водоразделов, вторые надпойменные террасы, платообразные возвышенности, археологические объекты ранних кочевников образуют комплексы памятников от одиночных и парных курганов до могильников с сотнями насыпей. Локализация и картографирование выявленных памятников ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов, привязанных к бассейнам степных рек левобережья Урала. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между такими микрорайонами

– Илекским, Темиро-Эмбенским, Орь-Иргизским и Уило-Кобдинским. На территории обозначенных микрорайонов присутствуют свои элитарные группы памятников, являвшиеся, соответственно, консолидирующими центрами племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы.

Фото 1. Кураша I. Общий вид погребения 1

Фото 2. Кураша I. Погребение 1.
Керамический сосуд с курильницей

Фото 3. Кураша I. Погребение 1.
Курильница

Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с учетом природно-географического контекста. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и, таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих общностей.

Курган Кураша I, исследовавшийся в 2015 году, расположен на территории Мартукского района Актюбинской области Республики Казахстан в 14,7 км к

северо-западу от пос.Петропавловка и в 11 км к востоку от пос.Родниковка. В географическом отношении курган относится к Илекскому микрорайону и располагается на водоразделе к северу от балки Кураша – правого притока р.Жаздыбай (приток р.Жаксы-Каргалы). Впервые он был обнаружен в 1988 г. археологическим отрядом Актюбинского педагогического института под руководством С.Ю. Гуцалова. На момент фиксации курган представлял собой земляную насыпь расплывшейся в результате длительной распашки формы диаметром 40 м и высотой 1,3 м от уровня дневной поверхности. У северо-восточного и юго-западного основания кургана прослеживались пологие ровики. В результате ежегодных сельскохозяйственных работ внешний облик памятника подвергся значительным изменениям: насыпь кургана была снивелирована, вершина уплощена, ранее прослеживаемые примыкающие ровики не наблюдались. Современный диаметр кургана в ходе проведения исследования составил 31 м, высота 1,2 м. В процессе снятия насыпи были обнаружены фрагменты деревянного столба, являвшегося элементом конструкции кургана. Вокруг погребальной площадки, на расстоянии 6,53 м от условного центра кургана, находился вал, окаймлявший ее. Средняя ширина вала составляла 3 м. Под курганной насыпью было обнаружено два погребения. Погребение №1 находилось к северу от условного центра под глиняным валом (Фото 1, 2, 3). Погребение №2, являвшееся основным, располагалось в центральной части погребальной площадки (Фото 4, 5).

Могильная яма представляла собой дромосное захоронение глубиной 240 см. Яма также оказалась богатой на находки разнообразных предметов, в том числе, и культовых. В юго-западной части дна погребения, на глубине – 2 м 40 см, был обнаружен костяк №1 плохой сохранности, предположительно – результат деятельности грызунов. Костяк представлял собой частично сохранившийся скелет человека. У правой руки усопшего был расположен железный акинак. Также в яме были обнаружены золотые накладки, бронзовое зеркало, каменный алтарь, бронзовые наконечники стрел (в количестве 183 штук) (Рисунок 1, Фото 6, 7). Оригинальными предметами, происходящими из данного памятника, являются железная обойма с золотой аппликацией и крупный образец каменного жертвенника на трех ножках (Рисунок 1:1, Фото 8, 9). Данная железная обойма была обнаружена справа от костяка №1. Рядом находились фрагменты железного ножа плохой сохранности, железные поясные пряжки, покрытые желтым металлом. Обойма представляла собой железное изделие подквадратной формы с длиной сторон 60х65 мм. Лицевая сторона изделия плакирована листовым золотом, художественно оформленным в зверином стиле (Рисунок 1:3). Подобная категория находок является достаточно редкой для территории Южного Приуралья и во многих случаях выступает одним из хронологически диагностирующих предметов, позволяющих выделить реперные погребения с узкой датировкой. Один из первых исследователей образа оленя – М.П. Грязнов по материалам Саяно-Алтайского региона выделил две стилистические группы: ранняя и поздняя. Первая из них охватывает VII-V вв. до н.э., а вторая датируется V в. до н.э. В раннюю группу М.П. Грязнов включает три варианта изображения оленя: стоящий «на цыпочках», лежащий с подогнутыми ногами, в стремительном беге (Грязнов 1978, С.226).

Изображение оленя на курашинской обойме своеобразно представлено с трикселовыми орнаментами. Олень лежит с подогнутыми ногами, голова расположена на одном уровне с туловищем, морда опущена вниз. Бедро оленя отмечено рельефным узором – завитком. Максимально подчеркнуты в данном изображении область головы и рогов. Также на лицевой стороне изделия про-

Фото 4. Кураша I. Погребение 2. Общий вид

Фото 5. Кураша I. Погребение 2. Детали погребения

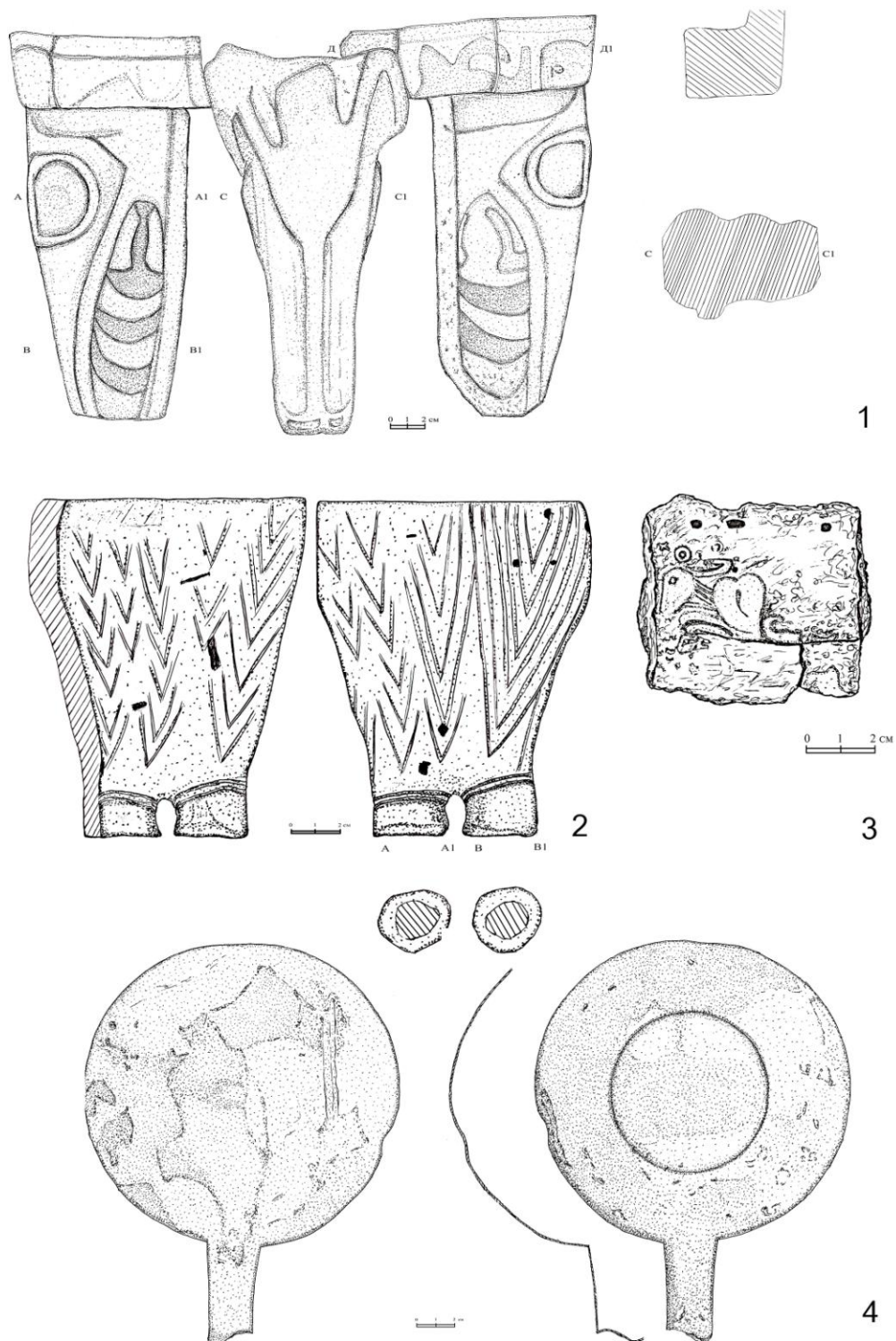

Рисунок 1. Инвентарь погребения 2 кургана Кураша I:
1 - каменный жертвенник; 2 - керамическая курильница;
3 - железная обойма с золотой аппликацией; 4 - бронзовое зеркало

Фото 6. Кураша I. Погребение 2.
Золотые накладки

Фото 7. Кураша I. Погребение 2.
Бронзовое зеркало

Фото 8. Кураша I. Погребение 2.
Деталь погребения

Фото 9. Кураша I. Погребение 2.
Каменный жертвенник

слеживается изображение еще одного животного – предположительно являвшееся уменьшенной копией основной композиции. Полноценное рассмотрение второго изображения было затруднено сильной коррозией железной основы рассматриваемой обоймы. Голова оленя читается в этой композиции совершенно явственно. Остальная часть, если присмотреться, составляет сложную головоломку, включая в себя несколько зооморфных образов (завершение отростков рогов птичьими головками). По утверждению Е.Ф. Корольковой, такой феномен характерен для скифо-сибирского звериного стиля, особенно V в. до н.э. (Королькова 2006, С.44). Данная обойма, также как и оригинальная курильница (Рисунок 1:2, 4), отдельно рассматривались в литературе (Серик, Амелин 2016, С.182-184; Краева 2016, С.176-180).

В центральной части погребения был обнаружен каменный алтарь округлой формы на трех ножках и с бортиком. Сохранность алтаря плохая, по всей видимости, он был преднамеренно расколот на множество частей. Диаметр алтаря составил 34 см, высота – 23,5 см, высота ножек – 17-17,5 см, размеры ножек – 4,1-4,2х5-5,7 см, ширина бортика – 1,5-1,8 см, глубина чаши – 2,8 см. Каменный алтарь оформлен в зверином стиле, по его бортику идут изображения голов птиц, чередующиеся с изображением головы хищника (волка?). Ножки предмета представляют собой такие же головы хищников, что и на бортике, но исполненные более детализировано. Образы птиц достаточно редко встречаются в оформлении жертвенников. Единственной близкой аналогией будет изображение головы грифона на алтарике из погребения 2 курган 1 могильника Биш-Уба I (Васильев 1998, С.25-43, рис. 7, 8), однако стилистически данные

образы совершенно разные. Каменный алтарь-жертвенник из кургана Кураша I, исполненный в традициях камнерезного искусства второй половины VI–IV вв. до н.э., представляет собой предмет религиозно-культового назначения, подчеркивающий социальный статус погребенных, которых он сопровождает. Данный жертвенник отличается от большинства экземпляров, происходящих из Илекского микрорайона, внушительными размерами, материалом, стилистическими особенностями исполнения и общим обликом. В дальнейшем представляется перспективным изучение образцов каменных жертвенников-алтарей, а также других категорий инвентаря и элементов погребального обряда в сравнении с обнаруженными в локальных микрорайонах Приаральско-Мугалжарского региона. Обнаруженные в погребениях предметы, кроме хронологической позиции комплекса, позволяют проводить исследования культурологического, технологического, семантического направлений. Такими предметами, достаточно часто встречающимися в погребениях указанного времени, несущими многостороннюю информацию религиозно-семантического характера, являются каменные жертвенники-алтари, изделия с элементами изобразительного искусства.

В полевом сезоне 2016 года проводились исследования на могильнике Шпаки II, расположенном в Каргалинском районе Актюбинской области, ближе к землям Родниковского сельского округа Мартукского района. Впервые памятник был обнаружен археологической экспедицией Актюбинского областного историко-краеведческого музея в 1977 году под руководством В.В. Родионова. Могильник эпохи ранних кочевников подвергался ранее, в течение длительного времени, и на момент его исследования систематической распахке, так как находится на обрабатываемом поле активно действующего крестьянского хозяйства. На этапе начала раскопок размеры курганных насыпей значительно отличаются от указанных в отчете и первой редакции паспорта, составленных во второй половине XX века. Общая высота насыпей уменьшилась почти в два раза, потеряв так же первоначальную форму. На момент выявления памятник состоял из 4 курганов, расположенных на пашне, на вершине водораздельного плато в 2-х км к югу от родника Шпаки и в 3-х км к юго-востоку от могильника Шпаки I. В тот же год В.В. Родионовым были произведены раскопки кургана №2. После снятия насыпи были обнаружены две могилы, расположенные в 40 см. друг от друга: центральная (размером 1,9мх0,8м) и северная (размером 1,8мх0,6м). Могилы оказались ограбленными в древности. Значительная часть вещественного материала отсутствует за исключением кольцевой подвески с ушком из круглой проволоки, сечением несколько больше 2 мм и диаметром 2-2,1 см.

По оценке ситуации, в 2016 г., было принято решение провести археологические исследования курганов №3 и №4, максимально пострадавших от антропогенного воздействия и находящихся под угрозой полного нивелирования насыпи, как большинство археологических объектов, находящихся на полях крестьянских и фермерских хозяйств. Кроме того, курган №3 стал «полигоном» для отработки новых подходов в фиксации полевого материала и попытки создания в будущем трехмерной модели кургана. Так как в последнее время стало актуальным применение современных технологий 3D для фиксации процесса и результатов археологических раскопок. Подобный метод фиксации является достаточно удобным и позволяет получить более полные сведения об объекте. Создаваемая в ходе раскопок виртуальная трехмерная модель позволяет зафиксировать и сохранить качественно больший объем информации о пространственных характеристиках исследуемого археологического объекта

(геометрию, текстуру и структуру в некоторой трехмерной системе координат), чем текстовое описание, чертежи и фотографии и отличается максимальной наглядностью, так как создает «эффект присутствия» при ознакомлении с материалом. Курган №3, на котором было принято решение апробировать новый метод фиксации, был расположен в центральной части могильника. Имел сильно распаханную насыпь диаметром около 22 метров и высотой менее одного метра на поверхности без выходов камня или дерева. Однако, для достоверного выяснения структуры насыпи было принято решение заложить в насыпи семь шурфов, расходящихся в радиальных направлениях от центра, охватив весь его периметр. В результате закладки шурфов удалось проследить и сохранить главный элемент подкурганной конструкции – глиняный вал, насыпанный из материковой желтой глины, его высоту и размеры. После чего выборка грунта осуществлялась до начала вала с применением ковшового погрузчика Liu Gong, с шириной ковша 3,5 метра. Для выявления стратиграфических аспектов, по направлению север-юг были оставлены две параллельных стратиграфических бровки шириной 70 см., разбитые на отрезки длиной 50 см. После необходимых процедур фотофиксации и отрисовки, грунт, составлявший стратиграфические разрезы, так же был вынесен за пределы раскопа, с полным сохранением глиняного вала овальной формы, по-рядка 14,5 м в диаметре. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала была установлена в южной части 1,2 м. Поверхность вала представлена светло-желтым суглинком с примесью песка. Грунт, заполнявший могильные ямы исследуемого кургана, также выносился за пределы

Фото 10. Шпаки II. Курган 3.
Восточная половина, вид с севера

Фото 11. Шпаки II. Курган 3.
Восточная половина, вид с юга

раскопок, в результате чего была получена общая картина погребальных действий, по отношению, к основному погребению №2 (Фото 10, 11, 12, 13, 14, 15).

При выполнении данного способа фиксации материала в первую очередь проводится подробная съемка объекта со всех сторон под разными углами. Зоны фотографирования на каждом последующем снимке должны перекрываться не менее чем на 70%. Таким способом можно обрабатывать данные, касающиеся небольшого объекта. Что же касается кургана, тут съемка всего объекта проводится по всей окружности кургана под углом приблизительно в 45%; а замеры производятся с применением лазерного тахеометра и маркирования объекта, что позволяет получить точные данные относительно размеров (высоты, глубины, длины и т.д.) объекта. Съемка производилась тахеометром Nikon NPL-322 5. Перед снятием грунта и оставлением двух параллельных друг к другу бровок кур

Фото 12. Шпаки II. Курган 3. Западная половина, вид с юга

Фото 13. Шпаки II. Курган 3. Западная половина, вид с севера

Фото 14. Шпаки II. Курган 3. Общий вид с юга

Фото 15. Шпаки II. Курган 3. Общий вид вала

ган был маркирован 80-ю точками, образующими множество квадратов. По маркерам была проведена детальная тахеометрическая съемка поверхности кургана №3. Фотосъемка поверхности кургана производилась с маркерами для последующей обработки и сопоставления фотографии и топографического плана в программе Autodesk 3ds Max. После снятия насыпи кургана для изучения подкурганной конструкции, как важного элемента погребальной обрядности ранних кочевников, был достигнут уровень залегания желтого глиняного вала, опоясывающий площадку с ямой. Стратиграфия бровок была полностью маркирована и визуально поделена на 7 составных частей шириной по 50 см с юга на север, для более тщательного исследования структуры профиля. По маркерам произведена тахеометрическая съемка и фотосъемка. После фиксации были полностью удалены стратиграфические разрезы и отдельно отнят земляной вал, который был нами маркирован 50-ю точками. На данный момент осуществляется обработка материалов, согласно последовательности, направленной на создание 3D-модели. В перспективе применение 3D технологий при исследовании могильника Шпаки II является возможность получения с помощью 3D принтера их точной трехмерной копии. Уменьшенные копии макеты как самого кургана, так и основного погребения можно включить в состав музейной экспозиции.

В результате полного выбора грунта был сохранен и полностью прослежен основной элемент подкурганной погребальной конструкции – земляной вал овальной формы в диаметре составлявший 14,5 м. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала была установлена в южной части 1,2 м. Поверхность вала пред-

ставлена светло-желтым суглинком с примесью песка. Погребение №1 было врезано в основное погребение (№2), в центральной части кургана (в 50 см к западу от условного центра). На поверхности погребения прослеживалось надмогильное сооружение из камней прямоугольной формы со скругленными углами. Камни различных форм и величины были углублены в материковую почву. Высота сооружения от уровня материка составила 65 см, длина 1,8 м, ширина 97 см. В процессе вскрытия погребения, на дне, был расчищен скелет взрослого человека, головой ориентированного на ЮЮЗ. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Вещевой материал захоронения весьма скуден и представлен фрагментом железного изделия, разрушенным сосудом и акинаком. Длина акинака составила 27 см. Перекрестие – бабочковидное, вид навершия меча установить не удалось, в виду несохранности. Лезвие сужалось от рукояти к острию. Ширина лезвия у перекрестия – 3 см, длина – 22 см. Ширина рукояти достигает – 3 см, длина – 5 см (Фото 16).

Фото 16. Шпаки II. Курган 3. Погребение 1

Фото 17. Шпаки II. Курган 3. Погребение 2

Погребение №2 располагалось в центральной части кургана и являлось основным. Общие размеры могильной ямы составили 3,8мх3,1м, глубина 1,5 м. Над могильной ямой зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Длина перекрытия составила 3,2 м, ширина – 2,7 м. В результате вскрытия перекрытие оказалось продавленным внутрь на 1,12 м, и представляло собой конус вершиной вниз. В процессе вскрытия на дне погребения были зачищены хорошо сохранившиеся скелеты мужчин (Фото 17). Оба костяка имели ориентир на восток, руки вытянуты вдоль туловища, ладони направлены вниз. В северной части погребения, у стенки были обнаружены кости МРС и лошади. После тщательного исследования дна погребения под костями был обнаружен фрагмент железного предмета плохой сохранности. Также на дне погребения вдоль подножия прилегающей восточной стенки могильной ямы были зачищены кости

лошади. Между костяками животных зафиксированы два керамических сосуда различной сохранности. Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Высота сосуда составила 10,7 см., диаметры: венчика – 8 см., донца – 7,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 11,2 см. Второй сосуд был разрушен при завале могильной ямы.

Схожие керамические сосуды были найдены между костяком №2 и костями МРС (обнаруженных вдоль подножия юго-восточной стенки) Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Горло сосуда средней высоты, прямое, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда следующие: высота – 19,3 см.; диаметры: венчика – 9 см., донца – 11 см. Наибольший диаметр

тулова (в средней части) – 15 см. Второй сосуд также имел яйцевидное тулово и плоское дно, прямое, но низкое горло и слегка отогнутый по краям венчик. Высота изделия – 18,7 см, диаметр: венчика – 9 см, донца – 8,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 11,5 см. Вдоль подножия южной стенки погребения были зачищены кости лошади. Между костями животного и левой рукой №2 костяка, на уровне локтя, был зафиксирован фрагмент железного изделия, вероятнее всего, ножа, и игла, сделанная из кости. Длина иглы – 7,2 см., диаметр сечения – 4 мм. У тазовой кости костяка №2 зафиксирована варворка конусовидной в продольном сечении формой. Варворка была зачищена и на уровне ладони левой руки костяка №1. Варворка конусовидной формы, выполнена из железа, длина составила 5,3 см, диаметры оснований – 3,2 см и 1,2 см. На уровне ладони правой руки костяка №2, в 10 см от нее, зафиксирован колчаный набор: наконечники стрел в количестве 26 штук и колчаный крюк, выполненный из железа диаметром в сечении 2,5 см. Также на уровне ладони левой руки в 10 см были обнаружены бронзовые наконечники стрел в количестве 40 штук. Наконечники хорошо сохранились и представляли совокупность различных видов: трехлопастные с выступающей втулкой, трехлопастные с внутренней втулкой, с выступающими шипами, трех- и двугранные втульчатые.

На левой части тазовой кости костяка №2 лежал амулет из кабаньего клыка. При тщательном рассмотрении клыка были замечены следы обработки. Непосредственно у ладони (этого же костяка) был найден костяной предмет, выполненный в зооморфном стиле. Длина изделия – 29,5 см, диаметр сечения – 1,8 см. На концах предмета прослеживаются украшения скульптурами волка с оскаленной пастью. На одном из концов видны следы сильной потертости (Рисунок 2:1). На тазовых костях обоих костяков были зачищены железные ножи-кинжалы хорошей сохранности, имитирующие стандартное расположение в ножнах. Они имели определенное различие в размерах, но в остальном прослеживается сходство. Общая длина кинжала у костяка №2 составила 28 см. Лезвие в длину составляет 17 см, ширина у перекрестия – 3,5 см. Перекрестие бабочковидное. Длина рукояти – 8,5 см, ширина – 3,3 см. Навершие брусковидное.

Курган №4 был расположен в центральной части могильника на расстоянии 60 м к востоку от кургана №3. Курган в диаметре 28 м, высотой 0,73 м. По форме в плане насыпь приближалась к окружности. Для фиксации стратиграфии по направлению север-юг были оставлены 3 параллельные бровки шириной 70 см. Для выявления конструкции кургана было принято решение заложить в насыпи 6 шурфов перекрестным способом, охватив весь его периметр. В ходе снятия насыпи кургана в центральной траншее были прослежены останки деревянной конструкции, сожженной еще в древности. Поверх конструкции также находились останки каменной выкладки. Скорее всего, разброс камней образовался в результате антропогенной деятельности. Также в центральной траншее были обнаружены фрагменты керамических сосудов и пряслице, выполненное из керамики. В центральной части кургана были обнаружены кости МРС. Помимо костей животных, в насыпи фиксировались и кости человека (Фото 18).

Погребение №1 было обнаружено в 3 м к северу от основного погребения кургана. По форме яма приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, длинной осью, ориентированной по линии запад-восток. Общие размеры ямы – 2,3х 1,72 м, глубина 0,83 м. На глубине 35 см от уровня поверхности материка были зафиксированы останки деревянного перекрытия, вероятнее все-

го, обрушенного еще в древности. Значительная часть его перемешалась с засыпью могилы, по причине чего проследить конструкцию не удалось. При вскрытии погребения, на глубине 83 см от уровня поверхности материка был зачищен хорошо сохранившийся скелет женщины. Голова покойной ориентирована на запад, ноги находились в вытянутом положении. Левая рука вытянута вдоль туловища. Правая рука была согнута в локте, таким образом, огибая жертвенник, находившийся между рукой и туловищем усопшей. Жертвенник выполненный из камня серого оттенка имел длину 18 см, ширину 10 см, глубину чаши 1,8 см, ширину бортика 1,3-1,5 см, две ножки цилиндрической формы с диаметром основания 5,5 см, высотой 6 см (Рисунок 2:2; Фото 19).

На дне ямы, у северо-восточной части стенки были зачищены жертвенные камни неправильной формы, выложенные в пирамидальную конструкцию. На вершине конструкции находилось каменное пряслице, в продольном сечении конусовидной формы. У подножия конструкции был зафиксирован фрагмент венчика керамического сосуда. Под головой скелета был зафиксирован гадальный камень белого цвета эллиптической формы. У подножия северо-западной части стенки зачищено бронзовое зеркало дисковидной формы, диаметром 11,5 см. Рукоять зеркала, вероятнее всего, была обломана во время обряда захоронения усопшей. Сохранность зеркала хорошая. Под зеркалом была обнаружена *Grifea*. Справа, в районе шеи усопшей, были обнаружены бусины. Среди них одна костяная кольцевидной формы, диаметром 5 мм, и две стеклянные прямоугольной формы длиной 7 мм, шириной 5 мм. При более тщательном изучении дна погребения была обнаружена россыпь бусин под шеей усопшей. Слева от скелета были расчищены кости, принадлежащие МРС. Часть костей находилась поверх левой руки погребенной.

Погребение №2 выявлено в 4 м к югу от условного центра кургана. В плане могила имела прямоугольную форму со скругленными углами. Длина ямы составила 3,7 м, ширина 3 м, глубина 1,95 м. В ходе спуска в погребение была обнаружена обожженная деревянная конструкция длиной 5,2 м, шириной 3,2 м. На юго-западной окраине конструкции, на уровне материковой почвы, была зафиксирована часть обломанного жертвенника. Длина чаши составила 11 см, ширина – 13 см, ножки цилиндрической формы длиной 3-3,9 см, диаметром 5 см (Рисунок 2:3). На дне погребения, на глубине 1,9 м, был зачищен хорошо сохранившийся скелет мужчины. Голова усопшего ориентирована на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Левая нога была в согнутом положении. Таким образом, погребенный приобретал атакующую позу. У подножия западной стенки погребения был обнаружен хорошо сохранившийся керамический сосуд, выполненный из глины темно-серого цвета. Диаметр венчика составил 11,5 см, тулова 18,5 см, дна 12,5 см, высота сосуда 21,8 см. У запястья правой руки были обнаружены хорошо сохранившиеся бронзовые наконечники стрел в количестве 65 штук, представляющие собой совокупность различных типов. Под наконечниками были обнаружены костяная ложечка (длиной 12 см и максимальной шириной 2,7 см) и семена растения, предположительно, *Cannabis ruderalis*. Непосредственно под запястьем усопшего, был зачищен амулет, выполненный из клыков животных. У стопы правой ноги лежали обломки керамического сосуда. Слева от предплечья погребенного был зачищен фрагмент колчанного крюка, выполненного из железа. Вдоль подножия северной стенки погребения обнаружены кости лошади. У подножия северо-восточной стенки могильной ямы была зачищена керамическая курильница плохой сохранности темно-серого цвета (Фото 20).

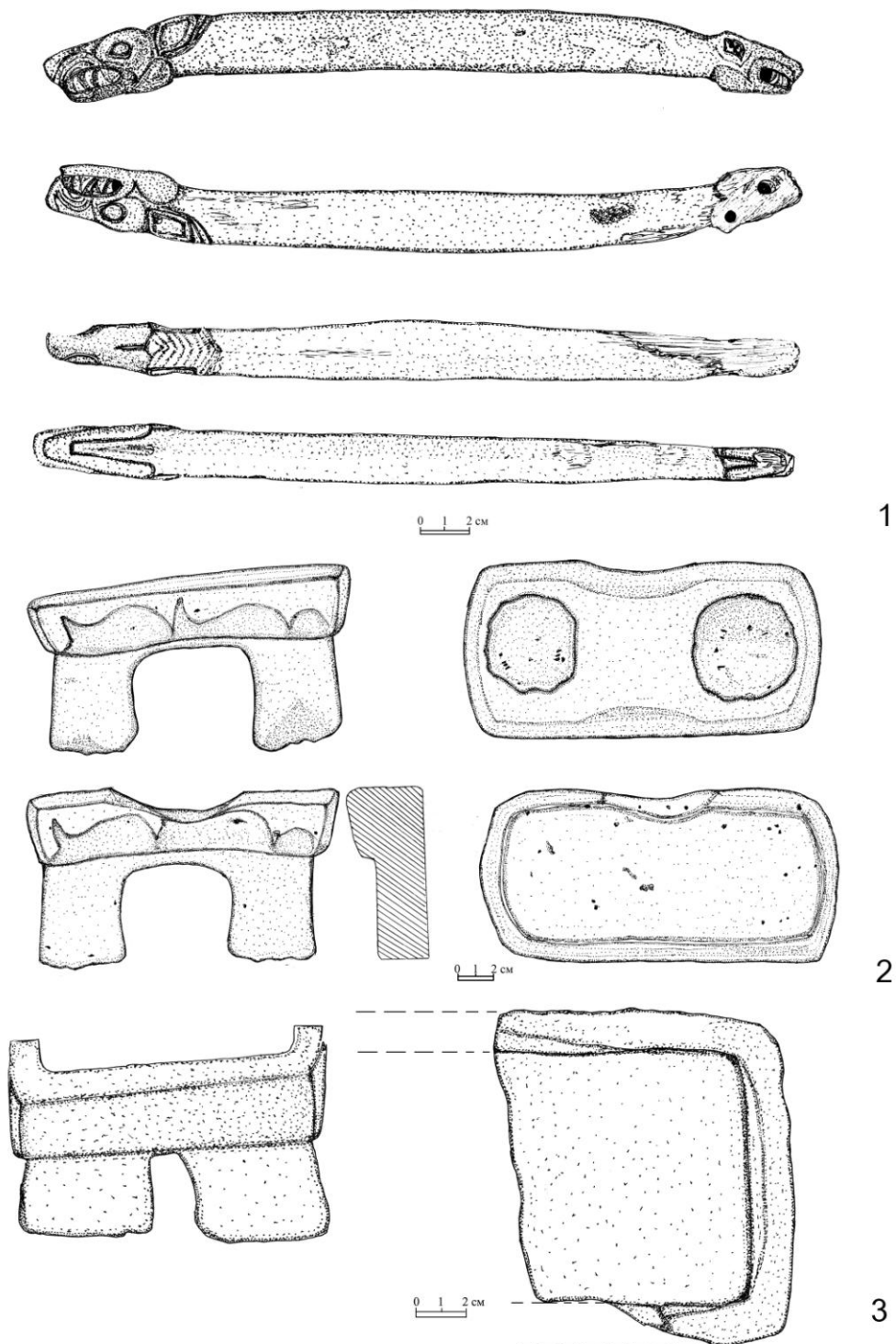

Рисунок 2. Инвентарь могильника Шпаки II:
 1 - костяной предмет (рукоять нагайки) курган №3 погребение 2;
 2 - каменный жертвенник курган №4 погребение 1;
 3 - обломок каменного жертвенника курган №4 погребение 2

Фото 18. Шпаки II. Курган 4.
Общий вид с севера

Фото 19. Шпаки II. Курган 4. Погребение 1

Фото 20. Шпаки II. Курган 4. Погребение 2

Фото 21. Шпаки II. Курган 4. Погребение 3

Погребение №3 представляло собой прямоугольную яму со скругленными углами, общие размеры которой составляли порядка 4,6х2,96 м. Глубина погребения – 1,99 м. Длинная ось имела меридиональное направление. Над погребением прослеживались останки сожженной деревянной конструкции. Целостность могильной ямы предположительно была нарушена не единожды, об этом свидетельствуют человеческие и животные кости, обнаруженные в засыпи (Фото 21). С южной части ямы прослеживался вход, вытянутый в южном направлении. Длина составила 1,8 м, ширина 0,82, максимальная глубина 0,5 м. Засыпь дромоса, практически не отличалась от засыпи самой могильной ямы, и была представлена черноземом, смешанным с комками плотного материкового суглинка. Непосредственно у входа в яму, в северо-восточной части дромоса, на глубине 50 см от уровня материковой почвы был обнаружен керамический сосуд. Сосуд имел яйцевидное тулово и округлое дно, слегка уплощенное по центру. Горло сосуда средней высоты, прямое, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда следующие: высота – 20,8 см; диаметры: венчика – 11 см, донца – 6 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 19,5 см.

Расположение описанных выше археологических объектов – могильник Кураша и Шпаки, оставленных кочевым населением в период раннего железного века и приуроченных к бассейну среднего течения Илека, имеет свое отражение на культурно-хронологической позиции исследованных курганов. Илекский локальный микрорайон насыщен археологическими памятниками середины I тысячелетия до н.э. (Ахатов, Бисембаев, С.503-513).

Схожие с илекскими, дромосные погребения на Южном Урале появляются с конца VI-V в. до н.э. (Таиров, Гаврилюк 2011, С.144-145). Л.Т. Яблонский связывает появление таких могил с

приходом элитарных групп кочевых объединений с территорий лесостепного и степного Зауралья и территории Средней Азии (Яблонский 2011, С.238). Следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений датируется в пределах конца V-IV в. до н.э.

Делая вывод из вышеизложенного, можно сказать следующее: время функционирования могильников Кураша I и Шпаки II может быть определено в пределах конца VI-V вв. до н.э. Об этом свидетельствует сопутствующий инвентарный комплекс, а именно, мечи «савроматского» типа. Бабочковидное перекрестие и брусковидное навершие мечей находят аналогии в материалах курганов Акжарского и Ново-Кумакского могильников, расположенных под г. Актобе и г.Орском. Авторы исследований относят данные комплексы к VI-V вв. до н.э. Лучники часто использовали такие наконечники стрел в VI-IV вв. до н.э. Причем, в их колчанах преобладали такие стрелы, у которых лопасти четко отделялись от втулки, возвышаясь над ней, и края лопастей заострялись в шипы (Смирнов 1961, С.15, 46-47).

Достаточно редко встречающимся предметом, свидетельствующим о времени функционирования памятника, является костяное изделие с нарезкой в зооморфном стиле. Иконографический метод предмета находит аналогии у рукояти нагайки, происходящей из кургана Черная Гора у с.Абрамовка (Оренбургская обл.). Смирнов К.Ф. датирует данный комплекс VI в. до н. э. (Смирнов 1961, С.97).

В культурно-хронологическом отношении новые памятники Илекского микрорайона наглядно демонстрируют идентичность процесса культурных трансформаций, происходивших в раннекочевническом обществе степной зоны Евразии. Изученные объекты подтверждают, что территория Илекского локального микрорайона (в пределах Актюбинской области) насыщена памятниками ранних кочевников широкого хронологического диапазона, особенно, отрезка VI-IV вв. до н.э., когда сооружались крупные могильники по обоим берегам среднего течения Илека, эксплуатировавшиеся в течение длительного времени.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, «Наука», 1972. – С.31-46.
2. Археологическая карта Западно-Казахстанской области. – Актобе, 2009. – 370 с. с илл.
3. Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященных 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы, 2015. – С.503-513.
4. Бисембаев А.А. Заметки к аспектам региональной истории: общее и особенное Западно-Казахстанского региона // Вестник ЕНУ имени Л.Н.Гумилева. – 2009. – №3(70). – С.217-222.
5. Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Вып.1. – С.25-43.
6. Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень (этюда на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Вып. 2. – Л., 1978. – С.222-232.
7. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск, «Полиграфсервис», 2004. – 136 с. с илл.
8. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб, «Петербургское Востоковедение», 2006. – 272 с.
9. Краева Л.А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения -2016» (6-7 октября 2016 года). – Актобе, 2016. – С.176-180.

10. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Мангыстау. – Алматы, 2007. – 400 с. с илл.
11. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. – Алматы: «Аруна», 2010. – 488 с.
12. Серик Г.С., Амелин В.А. К вопросу об изображениях оленей в искусстве ранних кочевников // Материалы Международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования». – Алматы: Қазақ университеті, 2016, – С.182-184.
13. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // Материалы института археологии. – 1961. – №101. – 170 с.
14. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., «Наука», 1975. – 176 с.
15. Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / ред. Г. Б. Зданович. Межвузовский сборник. – Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1988. – 160 с.
16. Физическая география Республики Казахстан / Под редакцией Джаналиевой Г.М. – Алматы: Қазақ университеті, 1998. – 265 с.
17. Чибилев А.А. Река Урал. – Л., 1987. – 168 с.
18. Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы и исследования по археологии юга России. Вып. III. / ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Reference

- Ahatov, Bisembaev 2015 – Ahatov, GA, Bisembaev, AA 2015, *Harakteristika prirodno-geograficheskikh uslovij Zapadnogo Ka-zahstana kak ehkonishi kochevogo naseleniya rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya, Kazahskoe hanstvo v potoke istorii: Sbornik nauchnykh statej, posvyashchennyh 550-letiyu obrazovaniya Ka-zahskogo hanstva*, Almaty, S.503-513. (Ahatov, GA, Bisembaev, AA 2015, A description of natural-geographical conditions of the Western Kazakhstan as akanishi nomadic population of the early iron age and middle ages, *the Kazakh khanate in the stream of history: collected articles, dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh khanate*, Almaty, P.503-513). (in Rus).
- Akishev 1972 – Akishev, KA 1972, K probleme proiskhozhdeniya nomadizma v aridnoj zone drevnego Kazahstana, *Poiski i raskopki v Kazahstane*, «Nauka», Alma-Ata, S.31-46. (Akishev, KA 1972, To the problem of the origin of nomadism in the arid zone of ancient Kazakhstan, *In-actions and excavations in Kazakhstan*, «Nauka», Alma-Ata, P.31-46). (in Rus).
- Arheologicheskaya karta 2009 – *Arheologicheskaya karta Zapadno-Kazahstanskoy oblasti* 2009, Aktobe, 370 s. (Archeological map of West Kazakhstan region 2009, Aktobe, 370 p). (in Rus).
- Bisembaev 2009 – Bisembaev, AA 2009, Zametki k aspektam regional'noj istorii: obshchee i osobennoe Zapadno-Kazahstanskogo regiona, *Vestnik ENU im.L.N.Gumileva*, №3(70), S.217-222. (Bisembaev, AA 2009, Notes to the aspects of regional history: General and special West-Kazakhstan region, *Vestnik Gumilev ENU*, №3(70), P.217-222). (in Rus).
- CHibilev 1987 – CHibilev, AA 1987, *Reka Ural*, Leningrad, 168 s. (CHibilev, AA 1987, *The Ural River*, Leningrad, 168 s). (in Rus).
- Gryaznov 1978 – Gryaznov, MP 1978, Sayano-altajskij olen' (ehtyud na temu skifo-sibirskogo zverinogo stilya), *Problemy arheologii*, Vyp. 2, Leningrad, S.222-232. (Gryaznov, MP 1978, The Sayano-Altai deer (etude on the theme of the Scythian-Siberian animal style), *Problems of archaeology*, Vol. 2, Leningrad, P.222-232). (in Rus).
- Gucalov 2004 – Gucalov, SYu 2004, *Drevnie kochevniki YUzhnogo Priural'ya VII-I vv. do n.eh.*, «Poligrafserveis», Ural'sk, 136 s. s ill. (Gucalov, SYu 2004, *Ancient nomads of the southern Urals VII-I centuries BC – oral*, Poligrafserveis, 136 p). (in Rus).
- Korol'kova 2006 – Korol'kova, EF 2006, *Zverinyj stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i YUzhnogo Pri-ural'ya v skifskuyu ehposu (VII-IV vv. do n.eh.)*. *Problemy stilya i ehtnokul'turnoj prinadlezhnosti*, «Peterburgskoe Vostokovedenie», SPb, 272 s. (Korol'kova, EF 2006, *Animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga region and South of Ural in the Scythian period (VII-IV centuries BC)*. *Problems of style and ethno-cultural belonging*, "The Petersburg Oriental Studies", Saint-Petersburg, 272 p). (in Rus).
- Kraeva 2016 – Kraeva, LA 2016, Neobychnaya «kuril'nica» iz sarmatskogo odinochnogo kurgana Kurasha I, *Materia-ly V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kadyrbaevskie chteniya -2016» (6-7 oktyabrya 2016 goda)*, Aktobe, S.176-180. (Kraeva, LA 2016, Strange "incense burner" of the Sarmatian single mound of Kurash I, *Materials of V International scientific conference "Kadyrbaeva read -2016" (6-7 October 2016)*, Aktobe, P.176-180). (in Rus).

- Samashev, Kusherbaev, Amanshaev 2007 – Samashev, Z, Kusherbaev, K, Amanshaev, E, Astaf'ev, A 2007, *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau*, Almaty, 400 s. s ill. (Samashev, Z, Kusherbaev, K, Amanshaev, E, Astaf'ev, A 2007, *Treasures of Usturt and Mangistau*, Almaty, 400 p). (in Rus).
- Serik, Amelin 2016 – Serik, GS, Amelin, VA 2016, K voprosu ob izobrazheniyah oleney v iskusstve rannih kochevnikov, *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii «VIII Orazbaevskie chteniya» po teme «Arheologiya, etnologiya i muzeologiya v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya»*, Kazakh universiteti, Almaty, S.182-184. (Serik, GS, Amelin, VA 2016, To the question about images of deer in art of the early nomads, *Materials of International scientific-methodical conference "VIII Orazbaeva readings" on the theme "Archaeology, Ethnology and museology in the system of modern higher education*, Kazakh University, Almaty, P.182-184). (in Rus).
- Smirnov 1961 – Smirnov, KF 1961, Vooruzhenie savromatov, *Materialy instituta archeologii*, №101. Moscow, 170 s. (Smirnov, KF 1961, Weapons savromats, *Materialy instituta archeologii*, No101, Moscow, 170 p). (in Rus).
- Smirnov 1975 – Smirnov, KF 1975, *Sarmaty na Ilike*, «Nauka», Moskva, 176 s. (Smirnov, KF 1975, *Sarmatians on the Ilek river*, "Science", Moscow, 176 p. (Smirnov, KF 1975, *Sarmatians on the Ilek river*, "Science", Moscow, 176 p). (in Rus).
- Svod pamyatnikov istorii 2010 – *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Zapadno-Kazhastanskaya oblast'*, 2010, «Aruna», Almaty, 488 s. (Set of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. West Kazakhstan region 2010, Aruna, Almaty, 488 p). (in Rus).
- Tairov, Gavril'yuk 1988 – Tairov AD, Gavril'yuk, AG 1988, K voprosu o formirovani rannesarmatskoj (prohorovskoj) kul'tu-ry, *Problemy arheologii Uralo-Kazhastanskikh stepej*, red. G.B. Zdanovich, Izd-vo Bashkirskogo un-ta, Chelyabinsk, 160 s. (Tairov AD, Gavril'yuk, AG 1988, to the question of formation of early Sarmatian (Prokhorov) culture, *Problems of archeology of Ural-Kazakhstan steppes*, ed. Interuniversity collection, Publishing house of Bashkir state University, Chelyabinsk, 160 p.). (in Rus).
- Fizicheskaya geografiya 1998 – *Fizicheskaya geografiya Respubliki Kazakhstan*, 1998, Pod redakciej Dzhanalievoy, GM, Kazakh universiteti, Almaty, 265 s. (*Physical geography of Kazakhstan* 1998, Under the editorship of G.M. Janalieva, Kazakh University, Almaty, 265 p). (in Rus).
- Vasil'ev 1998 – Vasil'ev, VN 1998, K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikah kochevnikov YUzhnogo Urala, *Ufimskij arheologicheskij vestnik*, Vyp.1, S.25-43. (Vasil'ev, VN 1998, On the question of Sarmatian stone altars of nomads of the southern Urals, *Ufa archaeological Bulletin*, Vol.1, P.25-43). (in Rus).
- Yablonskij 2011 – Yablonskij, LT 2011, Pogrebal'nyj obryad rannih kochevnikov Priural'ya perekhodnogo vremeni i voprosy arheologicheskoy periodizacii pamyatnikov, *Pogrebal'nyj obryad rannih kochevnikov Evrazii: mat-ly i issledovaniya po arheologii yuga Rossii*, Vyp. III, red. L.T. Yablonskij, S.I. Luk'yashko, Izd-vo YUNC RAN, Rostov n/D. (Yablonsky, LT 2011, Burial rite of the early nomads of the Urals transition time and the issues of archaeological periodization of monuments, *Burial rite of the early nomads of Eurasia: materials and research on archeology of the South of Russia*, Vol.III, edited by L.T. Yablonsky, S.I. and Luk'yashko, Publishing house of SSC RAS, Rostov n/D). (in Rus).